

А.Д. Резанов
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖАНДАРМОВ И ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений чинов корпуса жандармов и «гражданской» полиции в Архангельской губернии середины XIX – начала XX вв. Это как общие направления взаимодействия в рамках охраны порядка, политического сыска, межведомственной переписки, так и проблемные аспекты, находившие свое воплощение в служебной практике. Главной вехой в истории указанных ведомств нам представляются реформы Александра II. На фоне общих преобразований полицейских органов в 1860-е гг. с одной стороны и расширения полномочий жандармов с другой становится особенно заметным обострение в губернских межведомственных связях, что в итоге привлекает внимание столичных властей к ситуации в регионе. В дальнейшем антагонизм снижается, и общая система становится стабильной, но вплоть до 1917 г. между ведомствами будут возникать противоречия.

Архангельская губерния, Отдельный корпус жандармов, полиция, полицмейстер, уездные исправники, полицейская стража, политический сыск.

Вплоть до начала 1990-х гг. в советской историографии одним из главных направлений была история революционного движения, в том числе регионально-го. После распада советской системы тема социально-политического противостояния XIX – начала XX вв. уже не могла рассматриваться историками с сохранением прежнего подхода, в основе которого лежало изучение деятельности революционных организаций. Это привело к появлению трудов, посвященных непосредственным «противникам» революционеров, а именно – жандармам и полиции. В современной историографии, помимо прочих аспектов функционирования полицейской системы, видное положение занимает вопрос о взаимодействии полиции с чинами Отдельного корпуса жандармов, что особенно актуально для региональных исследователей [1; 25]. При этом среди различных губерний Российской империи состояние Архангельской губернии середины XIX – начала XX вв. в вопросе отношений местных жандармов с полицией не изучено.

Прежде чем их охарактеризовать, необходимо отметить, что жесткое разделение «репрессивных» органов на полицию и жандармерию как на две совершенно автономные структуры ошибочно, так как обе они являлись элементами общей полицейской системы. И.Т. Тарасов еще в 1885 г. исходил из того, что «в общем строе полиции» существует сыскная, ведающая «всеми вообще» преступлениями, и тайная, расследующая только политические дела [27, с. 85–86]. Ф.М. Лурье указывал, что полиция делится на уголовный розыск и политический сыск, то есть политическую полицию [23, с. 10]. В значительной степени такое деление необходимо для понимания особенностей устройства ведомств. Например, губернские жандармские управления (ГЖУ), созданные в 1867 г., имели военную организацию, в то время как

реформированная с конца 1862 г. общая полиция в виде городских и уездных управлений оставалась «гражданской».

Здесь также заметно, что именно реформы 1860-х гг. явились наиболее важным разделом в истории российской полицейской системы. До того чины земской полиции были перегружены массой самых разных обязанностей: они не только расследовали преступления, но также занимались розыском беглых крестьян и борьбой с бродяжничеством, взыскивали подати и недоимки, составляли для губернатора справки и собирали статистические данные [26, с. 18]. По сути, земская полиция исполняла функцию местного административного управления, что было свойственно модели «хорошо организованного полицейского государства» [30, с. 1656].

Что касается жандармской команды, будучи воинским формированием, она исполняла общий надзор за порядком в городе и привлекалась для охраны в местах массовых собраний [28, с. 11]. Губернский жандармский штаб-офицер к тому же имел полномочия развернуть наблюдательную деятельность и делать необходимые для государства выводы. Жандармам приходилось наблюдать не только за подозрительными личностями, но и за местной администрацией. Например, в 1837 г. губернский штаб-офицер С.Н. Сорокин в рапорте для А.Х. Бенкендорфа хорошо отзывался о губернаторе А.Н. Муравьеве (бывшем декабристе), но критиковал местную полицию, указывая на «непозволительные действия и лихоимства», которые и пресекал Муравьев [29, с. 152].

В начале правления Александра II повышается социальная напряженность, что было вызвано поражением в Крымской войне, неурожаем, крестьянскими восстаниями, либерально-оппозиционным движением в дворянской среде, брожением среди студен-

чества [20, с. 142]. На фоне «Великих реформ», призванных разрешить противоречия между сословиями, проходит также реорганизация полицейской системы. С конца 1862 г. общая полиция видоизменяется: вместо чинов земских судов отныне в уездах полицейские функции должны были исполнять уездные управления во главе с исправниками, в то время как в губернском городе сохранялась должность полицмейстера. Полицейские управления открывались во всех уездах Архангельской губернии [2, л. 31–38]. Затем, в 1867 г., на основе жандармской команды утверждался строевой состав губернского жандармского управления, а вместо упраздненной должности губернского штаб-офицера местный политический сыск возглавлял начальник ГЖУ. То есть, в усложнившейся обстановке и при постепенном возрастании массовости оппозиционного движения, власти были намерены более четко закрепить полномочия и функции жандармов ради повышения контроля за всеми сословиями.

Это обстоятельство привело к серьезным трениям между Архангельским ГЖУ, губернатором и уездными исправниками. Оно было тесно связано с политическими ссыльными в губернии, число которых заметно росло с 1864 г. за счет участников польского восстания. Многие ссыльные к тому же принадлежали к образованному дворянству, что обеспечивало им благосклонность губернаторов и даже должности в государственных учреждениях. Очевидно, это сильно волновало начальника АГЖУ А.О. Заранека, который был обязан бдительно наблюдать за ссыльными.

Весной 1868 г. его помощник капитан Н.И. Бобков, собирая данные о ссыльных в Архангельском уезде, натолкнулся на сопротивление уездного исправника, который считал, что жандарм превысил полномочия [17, л. 6]. Полиция, таким образом, отказалась сотрудничать с АГЖУ, что дало повод шефу жандармов П.А. Шувалову писать министру внутренних дел А.Е. Тимашеву о том, что в губернии «с особенными затруднениями устраиваются правильные отношения» между ГЖУ и местной администрацией (Там же, л. 2–4). То, что исправники не предоставляют жандармам необходимые данные, вызывало, по мнению графа Шувалова, недоумение. Он также информировал МВД, что архангельский губернатор князь С.П. Гагарин «ищет орудие» для себя в лице ссыльных.

Очевидно, проблема на тот момент заключалась в недостаточном понимании губернатором (а значит, и уездной полицией) сущности задач АГЖУ в новых условиях: жандармы были обязаны усиливать надзор и сбор данных по всем действиям ссыльных, что расходилось с прежним положением дел в губернии. Ситуация приходила к порядку постепенно: губернатор Н.П. Игнатьев в 1871 г., когда чины ГЖУ получали право вести дознания по делам о государственных преступлениях, приказал полицмейстеру М.И. Клокачеву и исправникам усилить меры к предупреждению побегов ссыльных, а также установить «действительный надзор» за их передвижениями [3, л. 3].

Дальнейшее развитие отношений между жандармами и уездными исправниками было неотделимо от процесса усиления полиции. Гибель Александра II поставила власти перед необходимостью быстро и жестко подавить революционеров, в частности наро-

довольцев. В марте 1880 г. Верховная распорядительная комиссия М.Т. Лорис-Меликова объявляла губернаторам о необходимости установления «единства действий между органами различных ведомств, призванных осуществлять охрану государственного порядка и общественного спокойствия» [4, л. 38]. Формально такое единство было достигнуто в августе того же года с образованием Департамента полиции, которому подчинялись как чины ОКЖ в своей розыскной деятельности, так и городская и уездная полиция. Новые условия даже в отношении «тихих» губерниях, к которым относилась и Архангельская, привели к более ответственному подходу в межведомственном сотрудничестве, хотя бы потому, что при едином начальстве оно стало обязательно.

В течение 1880–1890-х гг. МВД регулярно рассылало циркуляры, где так или иначе подчеркивалась важность координации действий полиции и жандармов. Например, урядники обязывались своевременно сообщать начальнику ГЖУ о разыскиваемых лицах и их приметах [5, л. 3]. Исправники и становые приставы сообщали ему же о побеге поднадзорных. В целом полиция должна «оказывать полное содействие чинам ОКЖ по исполнению ими служебных обязанностей» [6, л. 21]. Например, в Печорском уезде Архангельской губернии (за неимением там жандармского помощника), уездный исправник направлял начальнику АГЖУ ведомости о состоящих под негласным надзором полиции [7, л. 59].

На тот момент основной проблемой в вопросах политического контроля оставалась недостаточная эффективность общей полиции в губернии. Например, в 1884 г. губернский прокурор Р.К. Краус писал губернатору К.И. Пашенко, что чины полиции либо извещают АГЖУ о государственных преступлениях лишь кратко, либо вообще не извещают, а один из исправников в начале следствия не передал дело об оскорблении императора в АГЖУ, а сам стал им заниматься [8, л. 11]. В политическом обзоре 1883 г. начальник АГЖУ А.Н. Щетинин критиковал службу полицмейстера Г.Н. Ахвердова [18, л. 6].

Позже, в 1897 г., начальник АГЖУ М.А. Роменский отмечал, что полицейские чины самовольно возбуждают дознания по государственным преступлениям, то есть нарушают Устав уголовного судопроизводства, хотя в ответ губернские власти указали, что Роменский не представил конкретных фактов [9, л. 411]. Ссыльный А.А. Дивильковский отмечал, что в 1904 г. из-за попыток ДП заслать в губернию собственных агентов, между ведомствами «пошла расти и ветвиться сугубая кутерьма недоразумений» [21, с. 258]. В целом подобные нюансы не выходили за рамки стандартных бюрократических отношений в правоохранительной системе, а проблемы взаимопонимания «гражданской» полиции и жандармов если и сохранялись, то явно не были сравнимы с ситуацией 1860-х гг.

Новый этап обострения проблем в служебных связях приходится на период 1905–1907 гг. Несмотря на то что при проведении многочисленных обысков у политических ссыльных в революционный период полицейские и жандармские чины действовали совместно и слаженно, натянутые отношения между ве-

домствами сохранялись. В частности, начальник АГЖУ А.Ф. Соболев просил губернатора Н.Н. Качалова пресечь «неоднократно повторяющиеся отказы в грубой форме» шенкурского исправника оказывать содействие жандармам при обращении за справками, а также безотлагательно сообщать о всяком перемещении поднадзорных [10, л. 10]. Встречались и обратные случаи. К примеру, когда жандармы вызвали на допрос в АГЖУ околоточных надзирателей, адъютант Л.Ф. Бетковский завел их в прокуренную кухню. Возмущенный таким отношением, один надзиратель ушел [19, с. 4]. Однако полиция признавала достоинства жандармов: онежский исправник в апреле 1907 г. отмечал, что надлежащий надзор возможен, лишь если на 5 ссыльных придется один наблюдающий, «хорошо обученный, вооруженный и дисциплинированный как, например, жандармы». Он заметил, что притом нижние чины полиции проявляют слабость и безоружны [11, л. 10].

Революционные события показали, что местной полиции категорически не хватает численности нижних чинов для пресечения общественных беспорядков. Хотя еще в 1903 г. с этой целью была учреждена полицейская стража, в Архангельской губернии она вводилась с 1 января 1906 г. Непосредственными командирами стражников были урядники, а как таковая стража подчинялась исправнику (в уезде) и становой приставу (в области стана). Что касается жандармов, с февраля 1906 г. на них ложилось заведование строевой частью полицейской стражи, а начальник ГЖУ становился ее инспектором [24, с. 342–343]. Также жандармы расценивались губернатором как «непосредственные начальники» стражников в случаях подавления беспорядков и народных волнений [12, л. 1].

Так необходимое расширение полицейского аппарата для противодействия массовым беспорядкам приводило к усложнению отношений между губернатором, ГЖУ и общей полицией. Поэтому конфликты были неминуемы. К примеру, в начале 1907 г. А.Ф. Соболев был возмущен тем, что мезенский исправник А.Н. Репин распорядился, «чтобы полицейские чины и стражники не вступали в сношения с жандармами и не пускали их к себе в казармы». Помощник Соболева получил приказ вести расследование, по итогам которого начальник АГЖУ намеревался обращаться в ДП [13, л. 65].

Не был удовлетворен работой полиции и следующий начальник АГЖУ – Н.И. Мочалов. В конце 1908 г. он отмечал, что холмогорский исправник Н.Е. Попов выслал из города отправленного жандармерией агента, а работа городских не выдерживает критики [14, л. 18–21]. Но в целом в 1907–1914 гг. общее положение вновь пришло к стабильному формату, и межведомственные связи оставались в привычных рамках. Уездные исправники отчитывались перед АГЖУ об установлении надзора за новыми ссыльными, полицмейстер присылал жандармскому помощнику списки этапированных и мог уведомить начальника ГЖУ о любых перемещениях поднадзорных. В свою очередь, жандармы продолжали вести дознания по делам о государственных преступлениях, надзирали за качеством работы полиции.

В 1907–1914 гг. существовали проекты полного объединения общей полиции и ОКЖ, что привело бы к завершению централизации управления. Однако любые условия подобного объединения значили бы потерю независимости ГЖУ от региональной власти, что ослабило бы контроль правительства над руководителями губерний [1, с. 54]. Так жандармы перестали бы являться «посланцами государя», утратив традиционный статус.

Поэтому проблемы, свойственные местной полиции (малочисленность, инертность, негосударственное мышление), сохранялись и в период Первой мировой войны. Например, еще в январе 1914 г. губернатор С.Д. Бибилов обращался в МВД с ходатайством об учреждении дополнительных 99 должностей полицейских стражников [22, с. 13]. В 1916 г. начальник АГЖУ Е.П. Флоринский писал губернатору, что чины общей полиции относятся к запросам жандармов «невнимательно и небрежно», а также просил напомнить им о должном отношении к работе, так как собственные разговоры с уездными исправниками результатов не дали. После того как С.Д. Бибилов обещал принять участие в этом вопросе, Флоринскому рапортовал об укреплении ответственности печорский исправник Л. Е. Паршенский [15, л. 123, 328]. Оставались при этом востребованными формы сотрудничества в чрезвычайных ситуациях. Так, после взрыва в порту на пароходе «Семен Челюскин» в начале 1917 г. АГЖУ подавало запросы о членах экипажа уездным исправникам и получало справки урядников [16, л. 50].

После Февральской революции 1917 г. все жандармско-полицейские структуры были отменены и расформированы. На примере Архангельской губернии мы можем сделать вывод о том, что единая и окончательно централизованная система полиции, которая могла бы быть высоко эффективной в борьбе с внутренними угрозами, в Российской империи так и не была создана. Главные факторы, способствовавшие отягчению сотрудничества между жандармскими и полицейскими чинами, носили различный характер. К объективным относятся расширение и изменение состава политической ссылки в губернию, что привело к формированию новой социальной ситуации, большие расстояния и неудобство координации между ведомствами. Субъективными факторами являлись неточные представления чинов общей полиции о функциях жандармов, а также роль в конфликтных случаях губернаторской власти, которая часто тяготела к тому, чтобы не делать местные проблемы достоянием правительства.

Литература

1. Бакшт, Д. А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881–1917) / Д. А. Бакшт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – С. 50–55.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 790. Л. 31–38.
3. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2173. Л. 3.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 533. Л. 38.
5. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
7. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.
8. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2783. Л. 1–2, 11.

9. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 83. Л. 411.
10. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1202. Л. 10.
11. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1334. Л. 10.
12. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5333. Л. 1.
13. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 79. Л. 65.
14. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 505. Л. 18–21.
15. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 123, 328.
16. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 668. Л. 50.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3а. Д. 132. Л. 2–4, 6.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 88. Ч. 34. Л. 6.
19. Голос Севера. – 1907. – 13 марта. – С. 4
20. Гурлев, И. В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи / И. В. Гурлев // Власть. – 2017. – № 7. – С. 142–148.
21. Дивильковский, А. А. Архангелогородское сидение / А. А. Дивильковский // Вестник Европы. – 1911. – Кн. 9. – С. 231–262.
22. Димони, Т. М. Особенности деятельности полиции Архангельской губернии в условиях нарастания военной угрозы и в период Первой мировой войны / Т. М. Димони // Вестник Вологодского государственного университета. Серия Исторические и филологические науки. – 2019. – № 2 (13). – С. 12–16.
23. Лурье, Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – Москва : ТЕРРА, 1998. – 352 с.
24. Невский, С. А. Уездная полицейская стража в России в начале XX в. / С. А. Невский, Е. А. Сычев, С. Ю. Можав // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. – № 4. – С. 342–346.
25. Перегудов, А. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением / А. В. Перегудов, Л. В. Страхов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 17–22.
26. Плех, О. А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав / О. А. Плех // Historia Provinciae – журнал региональной истории. – 2019. – № 1. – С. 15–52.
27. Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. – Москва : типография А. И. Мамонтова и Ко, 1885. – 160 с.
28. Трофименко, В. Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. / В. Г. Трофименко // История органов государственной безопасности на Севере России. – Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера», 2014. – С. 9–17.
29. Фруменков, Г. Г. Декабристы на Севере / Г. Г. Фруменков, В. А. Волынская. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1986. – 222 с.
30. Frame, M. Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917–18 / M. Frame // Europe-Asia Studies. – 2016. – № 10. – P. 1654–1671.

A.D. Rezanov

INTERACTION BETWEEN GENDARMES AND POLICE OFFICERS IN ARKHANGELSK PROVINCE IN THE MID 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article considers the formation and development of Special Gendarme Corps in Arkhangelsk Province and interaction between its members and the civilian police. It touches upon both general areas of interaction in law enforcement, political investigation, interdepartmental correspondence, and problematic aspects. The main milestone in the history of these departments seems to be the reforms of Alexander II. Against the background of the general transformations of the police service in the 1860s on the one hand, and the expansion of the powers of gendarmes on the other, the aggravation in provincial interdepartmental relations becomes especially noticeable, which eventually attracts the metropolitan authorities' attention to the situation in the region. Later the antagonism decreases, and the overall system becomes stable. However, contradictions between the departments arise till 1917.

Arkhangelsk Province, Special Gendarme Corps, police, police chief, district police officers, police guards, political investigation.